

Шолохов

1985

Шолохов-художник повлиял на становление многих писателей, его произведения обрели вторую жизнь в кино, на сценах драматических и музыкальных театров. Общение с ним было замечательной школой, профессиональной и человеческой, для мастеров литературы, кино, театра. Сегодня о встречах с Шолоховым, о совместной работе с ним рассказывает по просьбе нашего корреспондента кинорежиссер, Герой Социалистического Труда, народный артист СССР Сергей Герасимов.

Горсть драгоценных камней

жественные тонкости, что я до сих пор пере- сыпаю их в руках, как горсть драгоценных камней. И точность эта не в описании природы. Это в конце концов умели делать многие. А вот диалогов таких, как у Шолохова, с моей точки зрения, нет ни у кого. В них — умение экстрагировать, найти и собрать в нескольких словах поразительную психологи- ческую точность.

Взять хотя бы эпизод с Аксиньей, которая служит у Листницких, у господ. Она уже «подпорчена» близостью к чужому классу, уже как бы вышла из казачьего сословия и поэтому уже другая. Она приходит на кухню, где пьет чай кучер Листницких, который только что побывал на хуторе и видел семью Мелеховых. «Как Гришка ихний?» — говорит. Не «мой», а «ихний». Емельян отвечает: «Ранили в руку. Всего испятели, как кобели в драке: то ли крестов на нем больше, то ли рубцов». Та поехала: «Холодно здесь» и ушла. На что кучер тут же дал свою резолюцию: «Ишь, «холодно здесь!» Нет чтобы ска- зать «туда». «Здесь», и пошла. Вредные мне такие бабы. Я бы их, стервьвов...» Написано это на первом взгляд вроде бы легко. Каза- лось, нужно только подходящие слова поста- вить. Но простота эта кажущаяся. Именно этим его проза отличается от той самой усред- ненной литературы, где все как бы в норме, как будто бы и похоже, но нет самого главного — нет отзвука в сердце читателя. Такой прозы у нас хоть отбавляй. А вот писатель ранга Шо- лохова никак не повторяется, потому что слышать мир так, как он слышал... — это вели- кий талант.

— Какие черты шолоховского портрета вам наиболее запомнились?

— Прежде всего известная авторитар- ность. Можно ли назвать это хорошим качест- вом, не знаю. Но она, на мой взгляд, большому художнику необходима. И еще, полное отсут- ствие обтекаемости — я бы так про него ска- зал. Человек он был очень шероховатый, шершавый. Был совсем неудобен для свобод- ного общения с ним людей, которых он не полагал для себя интересными. Авторитар- ность его состояла в том, что свои суждения он оставлял для себя бесспорными. Хотя мог, как и все, заблуждаться. Ну, а разве может быть иначе у художника высокоодаренного? Бывает, что творческий работник беспрестанно камуфлирует свои идеи под общий разряд. Ну и куда дальше приспособленчества он уйдет? Никуда. Так и будет всю жизнь бесплодным и безликим конформистом.

Шолоховская негибкость в вопросах художественной чести как раз и помогла ему написать «Тихий Дон» с его очень сложными страницами, с героем, который отнюдь не представлял собой образец человеческой совести или преданности нашим идеалам. Он бо- ролся еще на рубеже, он что-то свое хотел отстоять. А что — он еще точно не знал. И все его разговоры с Кошевым, в особенности последний, такой грозный, страшный, когда два врага стояли над пропастью, разделявшей их как представителей разных классов, за- щипают современному человеку очень многое. Ведь для многих сейчас, к сожалению, харак- терен потребительский подход к миру вещей и, что еще страшнее, склонность ко всякого рода спрямлению углов. А это как раз полно- стью отрицалось Шолоховым до конца его дней. В этом смысле он был человек совершен- но негибкий.

Не надо думать, что он не видел неизбеж- ных трудностей, возникающих на нашем пути, которые были, есть и будут. Шолохов говорил, что трудности эти надо одолевать во что бы то ни стало. Иначе просто нельзя. История этого требует категорически. Поэтому и ли- тература его была в известной степени жесткой и к мягкости никогда не тяготела. Вероятно, по этой причине у него было немало недругов и в литературной среде, и в среде, которая к литературе уже никакого отношения не имела и представляла собой ту самую жизнь, кото- рую писателю положено раскрывать со всей возможной точностью и стремлением к правде. В этой принципиальности — величье его ли- тературного подвига, его удивительного романа, значимость которого вынуждены были при- знать во всем мире. Свидетельство тому — присуждение Шолохову Нобелевской премии, несколько запоздалое, что он, с присущим ему юмором и прямотой, изволил отметить в своей речи. Он никогда не стеснялся в высказывани- ях даже с людьми самого высокого ранга, когда речь шла о принципиальных вопросах. Силу его книги я увидел, поставив картину. «Тихий Дон» с огромным успехом шел по всем странам. Зрители Скандинавии, напри- мер, отнеслись к фильму, как к своей родной картине. Только в Стокгольме она не сходила с экрана полтора года.

— Что лично вам дала дружба с Шолохо- вым?

— Я бы не брал на себя смелость назвать наши отношения дружбой. С Фадеевым у нас была действительно очень глубокая дружба.

С ним мы все-таки были постоянно вместе. А тут были какие-то спорадические встречи. Чем мне дорог Шолохов? Он дорог мне «Ти- хий Дон». Во всяком случае, не какими-то своими личными свойствами, которые могли быть очень противоречивыми. Это знаю не только я, а все, кто вел с ним какую-то общую жизнь. Но таких людей, как Шолохов, надо мерить их творчеством. А оно отличалось иск- ренностью тона, живостью мысли и языка. Повторю, он очень не любил всякого рода поддельную стряпню, приспособленную к тому или иному конъюнктурному моменту, чтобы вовремя попасть в нужную струю, а чаще все равно попадающую в лужу, по той простой причине, что так литература не делается. Надо что-то выстрадать, понять, прожить с чем-то, чем-то огорчиться, чем-то взволноваться, толь- ко тогда можно брать за перо. Это высказы- вания Льва Толстого. И в этом смысле Шо- лохов является его прямым продолжателем.

Роль Шолохова в нашей литературе огром- на. «Тихий Дон» — величайшая громада рево- люционной эпохи. Хороших писателей у нас много. Но вот второй такой роман не рожда- ется.

— Кто из современных писателей, по-ваше- му, в какой-то мере продолжил дело Шо- лохова?

— Очень уверенно набирал силу, конечно, Шукшин. На него делалась большая ставка. Он сам, может, и не понимал своего масшта- ба. Писал еще подмалевки, великолепные, блистательные. Рассказы его невозможно чи- тать равнодушно. Он тоже приверженец, жад- ный желатель правды во всем. Рано жизнь его оборвалась. А путь его был верный. Он начал свои подступы к «Степану Разину», роману, который складывался на основе сце- нария. Хотел сделать картину. Он еще двоил- ся, еще не отложился в одном ударном направ- лении для того, чтобы заговорить громовым голосом.

Созвучны Шолохову тоже ушедший от нас Федор Абрамов, Василий Белов, Василь Быков. Книги их проникнуты духом наро- дности, которая рождается от знания жизни, обязательно связанной с трудом. Для них характерно понимание, что жизнь есть подвиг. Вот чисто русский подход к писанию жизни, а не жалкая попытка попасть в модную струю. Тут правило — делать так делать, смотреть, откуда что произошло и куда тя- нется. Или помогать, или противостоять. Или радоваться, или гневаться. И уж обязательно выражать себя. Меня всегда смешат такие рассуждения — «ох, уж эти самовыраже- ния...» А чем же заниматься писателю, как не самовыражением, хотел бы знать? Громко- говорением, что ли? Что тогда получится? Писатель-динамик? В него вставляют факто- логический материал, а он громко заговорил, и, глядишь, искусство получилось. В том-то и дело, что писатель — это не легко наполняе- мый сосуд, а очень сложный организм, име- ющий наиболее тонко сконструированное соз- нание, чутко реагирующее на все факторы. Именно на все, я подчеркиваю, которые ря- довому человеку необязательно и замечать. Он их даже и не захочет замечать по той причине, что это обременительно. А вот писатель дол- жен этим заниматься. Собирать жизнь в запя- ски своей души, потом она пройдет сквозь его сознание, сквозь всю его природу и только после этого может стать его литературой, его художественным проявлением. Как раз об этом всегда говорил Шолохов.

— О чем вспоминаете вы чаще всего, ког- да произносится имя писателя?

— Шолохов всегда был интересен. Когда постановка нашей картины была закончена, он, чтобы порадовать своих земляков, решил устроить премьеру у себя в Вёшенской. Мы прилетели туда всей съемочной группой. Шо- лохов помог многое построить в станице. И вот около кинотеатра столпилось множество наро- ду. Мы привезли с собой все три серии «Тихого Дона». И началось — сменные киномеханики крутили фильм три дня подряд. И утром, и днем, и ночью. Все время можно было смот- реть «Тихий Дон».

С Глебовым и Быстрицкой шли бесконечные беседы зрителей. Звали они их по именам в фильме. «Гриша! — говорили они. — Давай сядь с нами, поговорим же, господа! Чего суе- тишься? Садись за стол. Смотри, сколько тет- ки нанесли. Одним нам не убраться. Давай вместе». Быстрицкая все время была в кругу со своими партнерами по фильму. Они были как бы артистами, узнавали себя в картине и очень радовались, когда появлялись на экране. Шолохов подходил к казакам и казачкам и говорил: «Ну что, может, немного покритику- ете? Что вы совсем-то растекались? Говорите построжее. Что, нравится? Ну раз нравится, значит, нравится. Не будем тогда ругать». Шо- лохов линовал. Таким счастливым я его нико- гда не видел.

— В 1927 году нас познакомил Александр Фадеев, с которым я очень дружил. Понача- лу Шолохов был для меня человеком все-таки очень далеким. Не по своему творчеству, а ге- ографически. Жил он чаще в Вёшках, а я в Ле- нинграде. Встречи наши происходили от слу- чая к случаю. К тому же он был писателем, а я кинематографистом. Но уже в то время я был его страстным почитателем. «Тихий Дон» тогда был предметом широкого обсуждения среди молодых деятелей искусства. Обаяние романа сказалося — мне захотелось его поста- вить. В 1939 году после картины «Учитель», имевшей известный успех, я посетил себя впра- ве заговорить о постановке «Тихого До- на». Но никакой поддержки не встретил. Воз- ражения были такие: ну что это за сюжет для такого народного искусства, как кинематограф? Сложный характер смутьянивающего казака... Охота ли вам заниматься сложной вещью, ко- торая не сулит никаких перспектив? Сейчас очевидно, что разговор был неверен, так как неверно трактовались суть романа, характер героя. Но работа тогда не состоялась. К ней я вернулся в 1956 году. Тогда и началось мое тесное общение с Шолоховым.

Большой совместной работы поначалу как бы и не предвиделось. Потому что он сразу сказал, мол, как знаешь, только сценарий писать я не буду. Других дел много. К тому же никогда этим не занимался. Разрешение на постановку дам с удовольствием, а когда будет готов сценарий, я его прочитаю. Первый вариант написанного мной сценария получился несколько обширнее того, что стало в конечном счете основой фильма. Здесь очень помог Шолохов. Он проделал редакторскую работу, помог что-то убрать и сохранить главное. Я часто бывал у него в Вёшках, где мы слу- шали песни в исполнении казачьих хоров. Там у нас началась работа, связанная непо- средственно с постановкой.

Шолохов сказал, что от добра добра не ищут, и предложил вернуться к варианту пейза- жа, который был использован в первой немой версии «Тихого Дона», поставленной Преобра- женской и Правовым. Местом действия стал хутор Дичинский на Северском Донце. Подбор исполнителей тоже проводился с помощью автора или, вернее, с его благословения. На все многочисленные вторые роли актеры были выбраны. А вот главного героя, Григория Меле- хова, все не было и не было. Мы искали в доверду, во всех казачьих местах, на Дону, в Черкасские, но никого не нашли. Опять верну- лись к московским театрам. Был один компро- мисный вариант, который нисколько меня не устраивал. Я тянул до последнего и даже хотел отказаться от постановки.

И тут судьба послала мне Петра Глебова. Он не претендовал ни на какую роль. Просто пришел немного поспрашивать. Я прикинул, может, что получится, с отчаяния предложил загримировать. Мне возражали, мол, нелепая затея, какой смысл брать человека только для того, чтобы терзать его и мучить? Говорили, что он никогда ничего подобного не играл и не сумеет сыграть. Но я настоял. И вот утром на меня шел загримированный — настоя- щий! — Мелехов. Теперь надо было утвердить его с Шолоховым. Я очень волновался, ожи- дая его приговора. На счастье, он был в Мос- кве. И когда вошел, прямо с порога, не оста- навливаясь, сказал: «Сергей, это он! И боль- ше не ищи, ради бога! Не меняй шило на мыло». И Глебов был утвержден. Может, он и не был готов для этой роли, но очень скоро набрал силу. Шолохов сразу же разглядел, что он талантлив.

— Присутствовал ли Шолохов на съемках?

— Нет, на съемках он не бывал по той при- чине, что относился к нам очень доверительно. Но он, как правило, внимательно просматри- вал весь отснятый материал, который мы ему регулярно показывали на Студии имени Горь- кого. Там мы многое уточняли, принимали со- вместные решения.

— Что вы можете сказать о Шолохове как о художнике?

— В сфере литературы человек он был, несомненно, уникальный. Трудно себе пред- ставить подобное сочетание разных дарований, так удачно соединенных в одном человеке, для того, чтобы возникло магическое, с моей точки зрения, качество художника — необык- новенная способность слышать мир, а не толь- ко видеть его. Ведь все его диалоги, казачьи разговоры — это нечто беспрецедентное в ли- тературе. У него в эпизодах есть такие худо-